

Антонина Крюкова

Рефлексия

ДВУХДНЕВНЫЕ бдения в Доме кино на Чрезвычайном пленуме накануне президентских выборов напоминали некую игру. Вы уверены, что власти вас не обманут?

— По отношению к правительству формулировка «обманет» не обманет, не совсем подходит. Оно собирает деньги, подходу что оно — власть. Мы за эту власть голосуем. Другое дело, что государство не отвечает за свои слова. Оно вроде дает деньги — минимальные, но и те не выплачиваются. Такие обещания очень опасны... Отношении к этому следует торгашески: если вы делаете нам так, то мы вам сделаем вот так. Причем об этом надо заявлять публично. К сожалению, в средствах массовой информации не встретишь сообщений, в которых была бы отражена картина отношений государства и кино. Никто не знает, что происходит... Почему созвали пленум? Сначала я думал: для того, чтобы сказать, как и почему надо поддержать Ельцина — мол, тогда еще лучше будет. Но этого не сделали, и сие мне показалось любопытным — я остался. Уже на совещании молодых кинематографистов было ясно, что все мы хотим обратно в Советский Союз. Это желание ни на чем не базируется, кроме того, как всем нам плохо живется при демократии. Потому что мы не знаем, что такое демократия. Для нормальных азиатов, каковыми мы являемся, вернее, евроазиатов,

Иван Охлобыстин (р. 1966) — режиссер, актер, сценарист, драматург — закончил режиссерское отделение ВГИКа (1992, мастерская Игоря Таланкина). Защитил диплом короткометражкой «Разрушитель волн», поставленной по собственному сценарию. Как актер известен прежде всего своим блестящим дебютом в фильме Никиты Тягунова «Нога» (1992). Тогда же снял картину «Арбитр», в которой был и автором сценария, и исполнителем главной роли. Снимался в фильмах «Над темной водой» (1993), «Хоровод» (1994), «Мания Жизели» (1994), «Приют комедиантов» (1995), «Выходец из метро» (1995). По сценарию Охлобыстина поставлен фильм «Урод» (1992). В этом году во МХАТе была осуществлена постановка спектакля по его пьесе «Злодейка, или Крик дельфина» (режиссер Михаил Ефремов). На II пленуме Союза кинематографистов России (1994) Иван Охлобыстин избран секретарем СК. В артистической среде известен под прозвищами Солнцепоподобный и Звездный мальчик.

майте, что ретроград какой-нибудь... Мне кажется, даже педики имеют право на жизнь. Правда, не надо их так афишировать, как сейчас: аномалия, содомия поставлены во главу угла шоу-бизнеса. И не надо показывать их детям. Дети видят и понимают, что к чему, когда мужиков одевают в перья и они пляшут с мужиками же. Пусть все живут. Но нужно все это как-то урегулировать. Должно быть все нормально. При условии, если сильный человек станет у власти. Не тиран, не деспот. Хотя, может быть, пусть лучше и тиран, и деспот... Хуже, чем есть, уже не будет.

— Вы даете властям два месяца на принятие решения...

— Если через два месяца не будет принято глобальное решение: закон о кино и т.д., то кинематографисты откажут государству в доверии. Это значит, что члены Союза кинематографистов имеют моральное право не голосовать на президентских выборах за Ельцина. Среди них немало популярных людей, и если они проигнорируют выборы, это будет иметь соответствующий общественный резонанс.

— Если не секрет, лично вы за кого собираетесь голосовать?

— Наверное, за Лебеда. Он мне больше всех кандидатов симпатичен. Мне кажется, он человек

но, что там есть идеология, пусть на элементарном уровне: надо любить свою страну, надо гордиться собой. Мы как-то забыли, что кино является сильнейшим идеологическим средством. А у нас коммунизм отменили, демократии не ввели, с Богом не разобрались. Не существует единой нравственно-идеологической платформы. Раньше художники были либо за систему, либо против системы. Они могли говорить о цветах и намеках на Брежнева, о всяких там зорьках — и намекал на Сталина. Идеологическая платформа существовала, а художники были либо внутри, либо наверху. Это нормально. Сейчас не существует единой философии, объединяющей... Нет единого мировоззрения. Церковь не в состоянии объединить, ей тоже не на чем базироваться. Из-за отсутствия общей идеологической основы художники кидаются в крайности, идеализируют вещи сиюминутные, суетные, неподлинные. Это все равно что секс выдавать за любовь... Сегодня очень высок уровень пассионарности, внутренней активности людей (по Льву Гумилеву). Например, почему все хотят быть бандитами? Потому что бандиты — это самое банальное проявление внутреннего стремления человека надо всеми стать глав-

жиссеры. Они адекватны вашему представлению?

— Конечно, неадекватны, но разве могут разные люди думать одинаково? Пусть думают по-разному. Например, в фильме «Урод» у меня есть любимый эпизод — это где пьяный герой и пьяный пограничник обнимаются, а в сценарии этого вообще не было.

— В фильме Дмитрия Месхиева «Над темной водой» ваш герой пытается с иронией судить своих родителей-«шестидесятников». А в жизни вы это делаете?

— Нет. Я не придаю значения возрасту и не верю в поколения. Люди любили, встречались, отдавали жизнь за какие-то идеалы. Это их личное дело.

— Что вы можете сказать о ваших ровесниках?

— Тридцатилетние молодые и сильные, они у власти. Любое время, за редким исключением, — время тридцатилетних. Единственное отличие этого исторического периода от прежних — полное отсутствие идеологии. Тридцатилетним ничего не остается, как придумать или найти свою идеологию. Соответственно, такая внутренняя установка отражается на их поведении и образе жизни: они бескомпромиссны, излишне сентиментальны и жестки.

РАЗРУШИТЕЛЬ ВОЛН

«Власти должны прислушиваться к художникам», — считает Иван Охлобыстин

смысл демократии столь же туманен, как «собака — друг человека».

— Вместе с другими молодыми кинематографистами вы входите в комиссию по работе с такими же молодыми. Что вы там делаете?

— А ничего не делаем. Однажды мы собрались, чтобы распределить стипендии нуждающимся молодым. Утвердили несколько человек на получение этих денег. А потом узнали, что в итоге никто из тех, кого мы утвердили, не попал в список, составленный кем-то еще...

— Какой же смысл в том, что вы — секретарь СК и член этой комиссии?

— Хочу найти, где воруют. Как только найду, буду сам воровать. Но пока не нашел.

— Кажется, Сергей Соловьев нашел очень простой ход, когда предложил избрать в секретариат вас и других молодых кинематографистов. Стратегически он выиграл.

— Не знаю... Люди активные всегда активны — хоть секретарь, хоть не секретарь. С Соловьевым мы по многим вопросам как тогда не соглашались, так и теперь не соглашаемся. И потом, понимаете, не он ввел нас в секретариат. Он возглавил СК как раз тогда, когда мы стали секретарями. Он умный человек. Ему сложно и бессмысленно возражать. Когда что-то предлагаешь, он соглашается. А потом получается — ты говорил то же самое, что и он. В итоге — мы все вместе, хоть убей!

— При положительном стечении обстоятельств могут появиться ответственные фильмы?

— Конечно. Будут работать Тодоровский-младший, Хван, Фомин — режиссеров хороших много. Слава Богу, еще ВГИК «кует кадры». А ВГИК — одна из самых солидных кинематографических школ мира. Таких школ больше нет! Наш зритель, думаю, ждет отечественные фильмы, он устал и от американских картин, и от нашего «чернушного» кино. По-моему, ему и наши старые фильмы надоели, классика уже не пользуется успехом. Я сам без раздражения не могу смотреть старые фильмы, особенно 50-х годов. Пересмотрел... Обожаю рязановские комедии. Мы хотим видеть фильмы о нашей жизни — такой, каковой мы привыкли. Нам интересны наши проблемы: стабильность, дом, семья, любовь.

Мы неминуемо пройдем несколько неприятных периодов. Отмываемые деньги обязательно всплывут в кинопроизводстве. Плохо, конечно, но этого никак не миновать. Еще надо учитывать специфику Москвы — это центр. Сюда едут авантюристы, коммерсанты, артисты, режиссеры. По уму-то, я думаю, надо было бы решиться и сделать откровенно полицейское государство. Но с экономическими поблажками. Это абсурд, но нам нужен Пиночет. Судите сами: президент избирается на 4 года. На него всегда будут смотреть, как на вора. Если семья президента ездит на «Мерседесе», значит, он ворует, а нам не дает: мы же на «Мерседесах» не ездим! А если будет постоянный человек, то вся верхушка тоже будет постоянной. Бандитизм будет истреблен самим бандитизмом. Нужен человек — государственной символ, один и навсегда до конца дней своих. Может быть, царь...

— Откуда же его взять?

— Да выбрать! Всегда же выбирали. Династии были потом. А вначале — выбирали... Только нельзя тащить на трон пухлого французского младенца Романова, если он даже по-русски толком не говорит. Я исключительно прогрессивный человек, не ду-

солидный, поскольку остальные горады на словах, а у него есть реальные действия. Например, Приднестровье... Он мне и внешне симпатичен. Вначале был такой солдафон, бревно оловое... Но когда понадобилось, он, как нормальный военный человек, позвал толкового «идеолога», который подсказал ему, какой выбрать имидж. Лебедь приоделся, причесался — и продолжает гнуть свою линию. Во всяком случае, скажу, что так может выглядеть лицо президента. Я очень хорошо знаю военных — сам из такой семьи, у меня много знакомых из этой среды, есть друзья из бывших военных. Если они что-то делают, то основательно. Мне кажется, самое разумное — выбрать Лебеда. При этом всю административную систему оставить нынешнюю, уже наворовавшихся чиновников. И еще поменять торговых русских флаг на традиционный красный. Ну какие мы торговцы? Скорее, мы землепашцы, рыбаки, воины. Торговый бело-синий-красный флаг вызывает у пожилых людей, которые представляют основную электорат, негативные ассоциации...

— Кинематографистов должно было бы насторожить отсутствие наших лент на последних международных кинофестивалях. Не может ли случиться, что при появлении денег резко увеличится приток непрофессионалов?

— Были бы деньги, а как их растратить, мы придумаем. Я предложил включить пункт, в котором речь идет о налоговых льготах на такую форму, как кинопроект. В Роскомкино есть авторитетное жюри из солидных, популярных, маститых художников: режиссеров, драматургов, операторов. Они распределяют деньги, которые дает на кино государство, то есть решают, на какие фильмы эти деньги истратить. Пусть это жюри и дальше распределяет государственные финансы, только посредством выдачи лицензий на кинопроект. Допустим, на «Мосфильме» я снимаю фильм, а эта лицензия дает мне право привлекать средства коммерческих структур. Они не прочь вложить свои деньги в кино, поскольку это им выгодно, ибо они освобождены от налога на прибыль. Государство же либо должно закрыть глаза, либо узаконить это воровство, назовем его так. Это даст возможность сохранить наш кинофонд, который сегодня нуждается в защите.

— Но в чем же основная проблема?

— Я скажу неожиданную вещь: тут дело в идеологии. Не в банальной идеологии, при воспоминании о которой мы шарахаемся, а в идеологии евразийского толка. Если взять хотя бы американскую винокласику, то яс-

Какой, по вашему мнению, должна быть идеология на данном этапе?

— Мы созданы по образу и подобию Творца, и воля к творчеству — основной побуждающий принцип. Она позволяет создать новую государственную и общественную нравственную платформу. Носители этой нравственности становятся в обществе главными. Так всегда было. Раньше это были дворяне и крестьяне. Потом — коммунисты. Нам тоже нужна доминирующая в обществе каста. Сейчас главными должны стать художники. Было время, когда государственные деятели прислушивались к священникам и выполняли их волю. В век индустриальной революции государственные мужи должны выполнять волю художников. Двадцатый век, елы-палы!

— Какое время вам интересно как режиссеру?

— Конец 70-х. Люди искренно верили во что-то...

— В начале 90-х вы заявили о себе блестящим актерским дебютом в фильме «Нога» Никиты Тягунова — не сыграв даже, а прожиг роль на экране. Было впечатление, что на вас никто никогда не влиял, не было никаких учителей...

— Реальное влияние на меня оказали Олег Иванович Даль, Игорь Васильевич Таланкин, Юрий Николаевич Озеров... ВГИК, среда, прочитанные книги. Основные учителя — это мои друзья, большинство из которых — талантливые, душевные люди.

— В свое время вы озадачили критиков фильмом «Арбитр». Они мучительно искали в нем смысл и, кажется, сошлись на том, что это «фильм ни о чем». Вы же заявили, что эту картину могут понять только наркоманы.

— Я тогда написал несколько сценариев. Среди прочих был и этот. Ко мне однажды пришли какие-то люди и предложили деньги. Я мог снимать что угодно: они хотели, чтобы картину делал именно я. Я не мог упустить такой возможности. Время стояло «чернушное», и надо было выбирать: либо делаешь кино, либо — манифест. Манифест, который из ста человек будет понятен двум, но эти двое будут с тобой всю жизнь. Так и получилось. Уже прошло столько времени, а два человека так со мной и остаются. Это абсолютно реальные люди. Странно, но, например, в Риге есть клуб «Арбитра». Мне самому эта картина не нравится, потому что она не совпадает с моим представлением об идеальном фильме. Но это ничего не меняет. Я получил деньги, реализовал замысел, научил еще там достаточно... А кроме того, появились люди, которые заинтересованы в том, что я делаю. Фильм нравится замороженным коммерсантам, владельцам клубов и одному капитану КГБ. Я не жалел зрителя и рассчитывал на определенную аудиторию. У меня снимались нормальные, солидные люди — Роман Быков, например. Они тоже чудили, что-то придумывали. Реализовалась моя среда, и она самоценна, как и фильм самоценен. У меня есть любимое изречение (кажется, это Деметрис): истинная свобода — это независимость от собственного мнения. Первый смысл — глупость, маразм. А глубинный — примерно то же самое, что и «блаженны нищие духом...»

Вообще я люблю в кино банальщины. Простые мелкобуржуазные истории и крик режиссера «Мотор!». Еще люблю быть режиссером: вроде начальник — уважения много, а ответственно — никакой.

— Несколько картин по вашим сценариям поставили другие ре-

В «Ноге» вы снимались под псевдонимом «Иван Чужой» — откуда он появился?

— Существует такая штука: чем лучше ты реализуешься в фильме, тем больше себя отдаешь. И если в кино твой герой погибает, то есть очень большая вероятность, что такое случится и в жизни. Поэтому я решил сниматься не под своей фамилией. Многие именно по этой причине берут себе псевдонимы. Не все, но многие. Под псевдонимом я сочинял сценарии для компьютерных игр. «Чужой» я был только в «Ноге».

— А прозвище Солнцепоподобный?

— На премьере «Арбитра» в Доме кино у меня тогда была прическа с грубо обрезанной ножницами «галльской» челкой. Светлана Дружинина, представлявшая съемочную группу, стала что-то говорить, и вдруг я слышу: «...и как он сам себя называет, галл...» Тут она сделала паузу, а я возьми да и закончи: «...солнцепоподобный!»

— С кем из современных режиссеров вам хотелось бы поработать?

— Очень интересный, на мой взгляд, югославский режиссер Эмир Кустурица — с ним бы я не прочь что-нибудь начудить. Нравится Оливер Стоун, этот контуженный американец. У него с головой не все в порядке, но дядька душевный. Из наших — у многих. У Валеры Тодоровского, например. Мне очень нравился Володя Кучинский. Внешне он абсолютно не производил впечатления художника — не соответствовал традиционному образу. И при этом был истинным художником. С Лешей Учителем, который глобально изучает материал, «мучает мысли». У Эльдара Рязанова я бы снялся: очень люблю этого режиссера, правда, уже выпадал такой случай, но мне не понравился сценарий. У Сергея Бондарчука — вот у кого — с удовольствием! Шикарный был художник. Жаль, что его уже нет.

— В последнее время вы стали постоянным персонажем светских хроник...

— Тусовки как способ общения совершенно необходимы. Они не вчера появились, всегда были. Отношусь к ним прагматически. До женитьбы в клубах для меня важно было: а) девчонки, б) профессиональные контакты: с кем-то договориться, с кем-то что-то обсудить. После женитьбы остался только профессиональный повод. Но самые серьезные тусовки получаются на охоте и на гольфполадке. А еще — за границей. Потому что там люди нуждаются в соотечественниках. В прошлом году в Каннах я с Брынцаловым тусовался, с Меньшовым мы там встречались, с Ярмолюком... Но кроме трогательных слов, ничего из этой тусовки не вышло.

— За вами закрепилось еще одно прозвище — «Звездный мальчик».

— Я очень счастлив. У меня хорошая семья. Я пребываю в редкие исторические времена. Я кинорежиссер. Я драматург. У меня есть друзья. У меня есть собака. Я люблю. Кажется, меня любят. У меня есть все. У меня может быть больше. Если будет больше — будет еще лучше... Потом, мне всегда везло. По большому счету. Я мог умереть раз, наверное, двадцать. В реанимации был раз семь. Женщины, которые у меня были, — непревзойденные красавицы. Большинство людей, с которыми я сталкивался, были самоценны. Конечно, не согласиться — грех: «звездный мальчик», пусть звездный мальчик. Одновы звездный парнишка. От слова «old», естественно.